

На правах рукописи

**Шилов
Николай Андреевич**

**ИДЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВА XV-XVI ВВ.
(по материалам литературных памятников)**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре истории АНО ВПО «Московский гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Плотникова Ольга Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Талина Галина Валерьевна,
и.о. заведующего кафедрой истории
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»

кандидат исторических наук, доцент
Савосичев Андрей Юрьевич,
доцент кафедры религиоведения и теологии
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный
университет»

Ведущая организация: **ФГНБУ «Российский институт
стратегических исследований»**

Защита состоится «12» марта 2015 г. в 16.30 час. на заседании диссертационного совета Д 521.004.01 при АНО ВПО «Московский гуманитарный университет» по адресу: 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3, ауд. 511.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте www.mosgu.ru АНО ВПО «Московский гуманитарный университет».

Автореферат разослан «___» декабря 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Мацуев А.Н.

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Изучение идеологических предпосылок создания централизованного Московского государства является малоизученным и актуальным исследовательским направлением. Долгое время в отечественной историографии проблема идеологических и религиозно-нравственных основ централизации замалчивалась, не рассматривались такие вопросы, как сакральность, легитимность власти, мало внимания уделялось теологическому аспекту, что в итоге привело к деформации представлений о причинах данного процесса. Назрела насущная потребность еще раз обратиться к анализу и оценке основных этапов централизации, особенно ее идеологических предпосылок. Несмотря на широкую разработку проблемы централизации в целом, малоизученной остается проблема идеологии централизации, выраженная в политических и православных идеологемах, обнаруживаемых в литературных памятниках.

Образование единого Московского государства являлось процессом длительным и сложным. Некоторые черты централизации прослеживаются уже начиная с конца XIII в., при этом как целостное явление, затронувшее все сферы жизнедеятельности общества и государства, централизация обнаруживает себя начиная с 80-х годов XV в., а ее завершающий этап приходится уже на XVI век.

Однако нельзя отрицать тот факт, что за канвой явлений и событий, социально-экономической и политической направленности, способствующих формированию единого Русского государства, просматривается еще один фон явлений, без которых централизация была бы не возможна – это идеология Православной Церкви и духовенства, идеология великокняжеской власти. В диссертационном исследовании предпринята попытка проследить эту идеологию, основываясь, в первую очередь, на данных источников и материалах литературных памятников исследуемого периода. Автор учитывал, что в средневековье именно христианская риторика имела наибольший вес в обществе, являлась базовой отправной точкой для всех идеологических построений, именно она стала тем мечом, которым власть прокладывала себе дорогу к централизации.

Идеология централизации определяется, в соответствии с традиционными дефинициями идеологии, как совокупность взглядов, выражающую интересы великокняжеской власти и православного духовенства, обосновывающую с религиозной и политической точек зрения необходимость объединения страны.

Актуальность темы исследования в первую очередь связана с необходимостью нового осмысления закономерностей и особенностей процесса централизации Московского княжества с учетом идеологических предпосылок и духовно-нравственных основ общества. Сегодня, так же как и в период создания Русского централизованного государства, в современной России появилась потребность осмысления задач, стоящих перед

государством, выработки нового курса по сплочению общества и единению политических сил, управленческих элит, власти и общества.

Накопленный современной наукой опыт осмысления исторических процессов XV- XVI вв. позволяет по-новому поставить проблему централизации Русского государства, с учетом знаний об идеологических концепциях, направленных на изменение восприятия статуса власти и государства, а также духовно-нравственной сферы жизни общества.

Историография проблемы. В связи с тем, что для исследования важное значение имели как общие работы по проблемам истории Московского государства, так и посвященные проблеме централизации, реформированию системы управления в рассматриваемый период, а также работы раскрывающие суть идеологии власти и идейного содержания централизации по материалам литературных памятников, необходимо классифицировать накопленный в этой сфере историографический багаж на две группы.

Первую группу составят базисные труды, посвященные вопросам централизации Московского государства и реорганизации системы управления в указанный период.

В целом, следует подчеркнуть, что историография по проблеме создания централизованного Русского государства очень велика. В работах различных дореволюционных и послереволюционных исследователей анализировались различные аспекты данной тематики. При этом исследователи, относимые нами к первой группе, сосредотачивались преимущественно на социально-политической и социально-экономической сторонах данной тематики, лишь отчасти касаясь культурно-идеологических проблем.

Среди дореволюционных и начавших работать в дореволюционный период авторов, занимавшихся проблемой централизации русского государства, можно выделить Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, С.Б. Веселовского, М.А. Дьяконова, Н.Г. Павлова-Сильванского, А.Е. Преснякова, В.И. Сергеевича¹. Наиболее значимым трудом по истории Московской Руси в эмигрантской историографии стали соответствующие тома компендиума Г.В. Вернадского².

Советские концепции создания и развития Московского централизованного государства, социально-политических реформ московских князей и первого русского царя Ивана IV представлены, прежде всего, в

¹ См.: Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях. Т. 3. Киев, 1912; Дьяконов М. А. Власть московских государей. СПб., 1889; Он же. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912; Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. Ч. 1. М., 1956; Он же. Боярская дума древней Руси. М., 1902; Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991; Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Исторические монографии и исследования. Т.1. СПб., 1872; Павлов-Сильванский Н.Г. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1898; Пресняков А. Е. Московское царство // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990; Сергеевич В.И. Лекции и исследования. 4-е изд. СПб., 1890.

² См.: Вернадский Г.В. История России. Т.4-5. (Том 4: Россия в средние века. М., 1988; Том 5: Московское царство. М., 1989).

работах Л.В. Черепнина, А.А. Зимина, В.А. Кучкина, В.Б. Кобрина, А.В. Чернова и ряда других исследователей³. Характерной и естественной чертой работ указанных авторов являлось следование марксистской теории общественного прогресса.

В постсоветский период исследованием проблем эволюции русской государственности в социально-политическом ее аспекте занимаются многие ученые⁴. Их работы, естественно, более идеологически свободны, что ведет к формированию действительно альтернативных в методологическом плане научных подходов к проблематике.

Важной стороной научных дискуссий последних десятилетий является оценка понятия «централизованное государство». Во многих случаях предлагается вводить термин «единое государство», ранее прилагавшийся к Киевской Руси в отличие от Московской.

Вторую группу трудов по тематике, избранной для нашего исследования, составляют работы, посвященные отдельным аспектам истории общественно-политической мысли, политической истории, истории Церкви, отраженной в исторических и литературных памятниках исследуемого периода. В дореволюционный период этими аспектами в разной степени занимались Е.Е. Голубинский, Н.И. Ефимов, А.В. Карташев, П.В. Покровский, В.Н. Малинин и др.⁵

Работы, вышедшие в советский период (И.У. Будовниц, А.Л. Гольдберг, Л.А. Дмитриев, Р.Г. Скрынников и др.⁶), как правило, в русле господствующих

³ См.: Зимин А. А. Россия на рубеже XVI-XVII столетий. М., 1982; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV-первой трети XVI вв. М., 1988; Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960; Чернов А. В. О зарождении приказного управления в процессе образования русского централизованного государства // Труды Московского историко-архивного института. Т. 19. М., 1965; Он же. История государственных учреждений в XV-XVI вв., М., 1956.

⁴ См., например: Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998; Пихоя Р.Г. История государственного управления в России. М., 2001; Петров Ю.А. и др. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012.

⁵ См.: Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.1. М.,1901; Ефимов Н.И. «Русь – Новый Израиль» – Теократическая идеология своеземного православия в допетровской письменности. Казань, 1912; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.2. М., 1997; Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901; Покровский П. В. Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. 3. Одесса, 1887.

⁶ См.: Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.-Л., 1946; Он же. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI-XIV вв.) М., 1960; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л., 1971; Он же. Идея «Москва – Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983; Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982; Скрынников Р. Г. Самодержавие и опричнина (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины) // Внутренняя политика царизма (середина XVI-начало XX в.). Л., 1967; Он же. О заготовке первого послания Ивана IV Курбскому и о характере их переписки // Труды отдела

концепций, либо исследовали отдельные памятники или явления духовной жизни, либо рассматривали культурные факторы централизации сугубо в контексте социально-политической проблематики.

Вместе с тем, именно этот период отмечен разработкой огромного фактического материала русских литературных памятников на уровне современного источниковедения и филологии, а также значительными успехами в деле их публикации и интерпретации, в том числе и в историко-культурном ключе.

Большое значение для оформления новых подходов к культурно-духовной истории эпохи централизации имела работа Я.С. Лурье «Две истории Руси XV в.», пересмотревшая многие концепты советского времени⁷. В дальнейшем вышел целый ряд работ, с разных, подчас противоположных позиций анализирувавших жизнь в Московской Руси XIV-XVI вв.⁸

Вместе с тем обобщающего исследования по проблеме формирования идеологии Московского государства, как минимум на наиболее плодотворном в этом смысле материале литературных памятников, в том числе исторического содержания, предпринято не было.

Объект исследования – идеология Московского государства в период XV – XVI вв.

Предмет исследования – формирование идеологии централизации Московского государства, отраженное в литературных памятниках соответствующего периода.

Цель исследования – анализ содержания и особенностей идеологии централизации в Московском государстве XV-XVI вв.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач**:

- определить значение княжеской власти в общественном сознании Московского государства;
- исследовать идеологию возвышения Москвы по материалам литературных памятников;
- предложить авторское осмысление процесса централизации в литературной традиции средневековья;
- показать эволюцию идеологии централизации по историческим и литературно-публицистическим сочинениям эпохи Ивана Грозного.

Перечисленные задачи определили структуру работы.

Методологическую основу диссертационного исследования составили,

древнерусской литературы. Т 33. Л., 1979; Он же. Опричный террор. Л., 1969.

⁷ См.: Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. СПб., 1994.

⁸ См.: Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV начала XVI вв. СПб., 2002; Александров Д.Н., Мельников С.А., Алексеев С.В. Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX-XV веках. М., 1995; Булычёв А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005; Демин А.С. Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994; Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. Опричнина и страшный суд. М., 2003; Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998.

в первую очередь, традиционные принципы историзма, научной объективности и достоверности. В диссертации использованы в комплексе общенаучные и специально-исторические методы. Среди них: историко-генетический (ретроспективный), историко-ситуационный, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, периодизации, исторической реконструкции, системно-структурный, историко-логический, культурно-исторический (цивилизационный), комплексности, статистический.

Использование общенаучных и специальных методов на базовом принципе объективности позволило провести максимально беспристрастное исследование, лишенное политизированности в отображении исторической реальности. Принцип объективности ориентирует исследователя на всесторонний анализ и достоверную оценку исторических фактов, требует рассмотрения предмета без политико-идеологических пристрастий. Автор постарался реализовать его и через максимально полное отражение всего спектра суждений и оценок по данной проблеме, и через научно-критический подход к их анализу. Все суждения и оценки соотносятся с историческими реалиями и источниковой базой.

Принцип историзма, с позиций которого рассматривается в работе проблема образования централизованного государства, непосредственно связан с принципом объективности. Автором учитывается влияние разных внешних и внутренних факторов в их взаимосвязи. Это, в свою очередь, позволяет рассмотреть предмет исследования как результат диалектического взаимодействия в конкретно-исторических условиях различных объективных и субъективных факторов, сформировать суждения на базе структурно-функционального анализа и осмысления совокупности всех анализируемых факторов.

Принцип историзма позволяет проводить научный анализ проблемы создания централизованного государства в конкретных культурно-исторических условиях. В рамках этого анализа применены два взаимосвязанных метода – историко-ситуационный и историко-генетический (ретроспективный). Применение первого из них позволяет провести исследование в контексте соответствующей исторической ситуации. Оно позволяет выявить то, в какой мере историки адекватно воспринимали историческую реальность изучаемого времени, а главное – насколько учитывали ее в проводимых исследованиях.

Историко-генетический метод позволяет раскрыть суть явлений прошлого с определенной исторической дистанции, когда в той или иной мере уже обнаружались результаты изучаемых процессов. Историко-генетический метод по своей логической природе является аналитически-индуктивным, а по форме отражения информации – описательным. В связи с этим он позволяет показать причинно-следственные связи, закономерности – в нашем случае процесса централизации. В работе также использовался ретроспективный подход, что позволяет рассматривать явления прошлого с определенной временной дистанции.

С помощью проблемно-хронологического метода исследуемые процессы систематизированы во временной последовательности. Это позволяет максимально подчинить структуру каждой главы хронологии и синхронии.

Историко-сравнительный метод дает возможность сопоставлять события, явления и процессы в их пространственно-временном сходстве и различии и раскрыть сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она не очевидна. В результате на основе имеющихся фактов выявляется общее и закономерное, с одной стороны, и качественно отличное – с другой.

Использование историко-сравнительного метода позволяет выйти за пределы изучаемых явлений, на основе установления аналогий прийти к широким историческим обобщениям и параллелям. Данный метод в сочетании с методом отождествления и аналогии позволяет выявить общие и особенные черты в развитии государства, а метод периодизации позволяет выделить и ряд этапов в этом развитии.

В работе применен принцип системности, позволяющий провести комплексное изучение разных явлений и процессов как элементов единой системы. Россия и российская история рассматривается нами как единая социально-культурная система во времени и пространстве, обладающая определенными цивилизационными чертами, специфическими закономерностями развития. Руководствуясь системным методом, автор представил исследуемую проблему в контексте обстановки анализируемого в работе периода как единый процесс.

Автор исходил из базовых принципов метода исторической реконструкции, где основополагающую роль для воссоздания событий играют исторические источники, а суждения других исследователей носят вспомогательный характер. В исследовании использовались, в качестве удобного исследовательского инструментария, позволяющего акцентировать внимание на тех или иных сторонах исторического процесса, элементы ряда общих методологических подходов к историописанию. В первую очередь, учитывался культурно-исторический (или цивилизационный) подход. Он позволяет глубже исследовать такие явления, как традиции, основанные на религиозных взглядах, культурно-языковые особенности. Автором использован также ряд постулатов теории циклов исторического развития. Так, концепция исторической динамики позволяет, на наш взгляд, качественнее оценить особенности периодов интеграции и дезинтеграции государства.

В процессе работы необходимым являлся междисциплинарный подход к историческому исследованию. Использовались методы специальных исторических дисциплин – палеографии, хронологии, генеалогии. Проблематика диссертации соотносится с несколькими областями наук. Это касается, в первую очередь, социальных наук (право, социология, политология), чьи терминология и элементы методологии нашли применение в диссертации.

Особым методологическим вопросом, на актуальность которого в отечественной историографии указывалось ранее, является соотношение понятий «единое» и «централизованное» государство. Представляется, что для данной работы он имеет, однако, вспомогательное значение. Сторонники

осторожного определения «единое государство» обычно концентрируют внимание на длительности процесса социально-экономической централизации, развитости центробежных тенденций в Московской Руси. Употребляя в настоящей работе термины «централизация», «централизованное государство», мы имеем в виду, прежде всего, политическую систему с ликвидацией удельного дробления, общегосударственным центральным аппаратом управления и чиновничьей иерархией, созданными к середине XVI в. Эти черты заметно отличали Московское государство от Киевского и обозначение их идентичными терминами не кажется удачным. С другой стороны, темой диссертации является не собственно централизация, а складывание идеологии централизации, – идеологии сильной централизованной власти, – процесс, который, безусловно, относится к описываемому времени.

Другим вопросом, касающимся понятийного аппарата, является определение «литературные памятники». По традиции, сложившейся в отечественной и мировой науке, мы относим к этой категории все памятники повествовательной словесности, богословской и публицистической мысли рассматриваемой эпохи. В эту категорию включаются, конечно, летописи и хронографы, часто включающие, надо заметить, в свой состав самостоятельные памятники литературы, а нередко обладающие заметными литературными достоинствами. Такой подход обычно не оспаривается исторической наукой и источниковедением. Он отражен, в частности, в названиях академических книжных серий, призванных обобщить основные памятники древнерусской литературы: «Памятники литературы Древней Руси», «Библиотека литературы Древней Руси». Обе серии, подготовленные виднейшими отечественными учеными, включали в свой состав и наиболее известные летописные сочинения.

Хронологические рамки исследования определяются предметом исследования. Диссертация является обобщающей работой по проблеме формирования идеологии централизованного Московского государства. В ней рассмотрены основные тенденции данного процесса в период XV-XVI вв. В этот период складывались единая территория государства, формировались характерные особенности института управления, складывалась отражаемая в литературных памятниках идеология возвышения власти. Вместе с тем, по неизбежности будут охарактеризованы отдельные явления и процессы XIII-XIV вв., ведущие к складыванию идеи централизованного государства. Начальная грань – XV век – это время, когда назрела необходимость перехода от дворцово-вотчинной системы управления к приказной, властные структуры теряли архаичность и приобретали черты государственного аппарата управления. В этот же период централизация Руси получает идеологическое оформление в памятниках исторической и иной литературы. Последняя грань определяется завершением политического объединения русских земель вокруг Москвы в XVI веке. В этот период в московской литературе, летописании, публицистике происходит переход от идеологического обеспечения процесса централизации к идеологическому обоснованию (или опровержению) необходимости существования самодержавной монархии. Рубежным в этом смысле явился период правления Ивана IV, рассмотрением которого и

завершается работа.

Источниковая база исследования определена соответственно теме диссертации. Исследование опирается на обширный круг источников. Среди них; нормативно-правовые источники, летописи, позволяющие провести верификацию выводов, мемуарная литература, отражающая социокультурные традиции средневекового общества, каноническая литература, позволяющая раскрыть идеологию централизации через призму христианской традиции.

Основополагающим источником для изучения процесса централизации и идеологической платформы централизации являются летописи. Официальное великокняжеское летописание начинается в период царствования Василия III, первым официальным сводом можно назвать свод 1508 г., дошедший до нас в составе Воскресенской и Софийской II летописи⁹.

В 1518 году появляется еще один свод официального летописания, сохранившийся в составе Уваровской летописи, представленной двумя списками XVI в. Протограф Уваровского и Синодального списков, предположительно составлен между 1525–1530 гг. в Троице-Сергиевом монастыре.

Данный свод обнаруживается в Никоновской летописи, а также в составе Львовской, Воскресенской и Вологодско-Пермской летописях. Следующим за сводом 1518 г. памятником официального летописания был свод 1520 г. (сохранился в Иоасафовской, Никоновской, Воскресенской, Вологодско-Пермской, Львовской летописях и Софийской II)¹⁰. Летописный свод 1526 г.,

⁹ См.: Полное собрание русских летописей. (ПСРЛ). Т. 6. М., 2000; Пушкарев Л.Н. К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи // Проблемы источниковедения. Вып. VIII. М., 1959; Сербина К. Н. Летописный свод 1518 г. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.-Л., 1963; Лурье Я.С. Новые памятники русского летописания конца XV в. // История СССР. 1964. № 6. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969; Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи // ТОДРЛ. Т. XIII. М.-Л., 1957; Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. Вып. IV. М., 1955. Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М., 1958. Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962; Зимин А.А. Русские летописи и хронографы конца XV–XVI в. М., 1960; Пушкарев Л.Н. К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи // Проблемы источниковедения. Вып. VIII. М., 1959. Тихомиров М.Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. Вып. III. М.-Л., 1940; Буганов В.И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.

¹⁰ См.: Тихомиров М.Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. Вып. III. М.-Л., 1940. Буганов В.И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С.158–165. Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года (Описи). М., 1960. Шмидт С.О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений // Труды МГИАИ. Т. 8. М., 1957. Шмидт С.О. К истории Царского архива середины XVI в. // Труды МГИАИ. Т. 11. М., 1958. Шмидт С.О. К истории составления Царского архива XVI века. // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 54–65. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ). М.-Л., 1950, № 98; № 99; № 100; № 101; Насонов А.Н. Летописные памятники

продолжающий свод 1520 г., отразился в Вологодско-Пермской, Воскресенской, Софийской II, Львовской и Никоновской летописях. Еще одним памятником официального летописания первой трети XVI века является Московский свод 1533 г., вошедший в Воскресенскую летопись¹¹.

Тексты Царского архива дошли до нас в очень отрывочном виде. Советским исследователям удалось восстановить некоторые сведения архива по описи, сделанной в 70-х годах XVI в.¹² В Царском архиве содержались документы государевой казны. Как известно, Казна являлась канцелярией великих князей¹³.

Большой интерес для исследования представляют духовные грамоты и докончания великих князей, среди них: духовная грамота Василия III (1523 г.), духовные грамоты князя Федора Волоцкого (1506 г.) и Дмитрия Углицкого (1521 г.), а также докончальная Василия III с Юрием Дмитровским (1531 г.)¹⁴.

Документы Посольского приказа освещают международную практику московских князей. Большая часть сохранившихся документов Посольского приказа посвящена международным отношениям с Великим княжеством Литовским и Римской Империей¹⁵.

Отношения духовной и светской власти освящены летописями, писцовыми и вкладными книгами, жалованными и указными грамотами монастырям. На сегодняшний момент историки располагают комплексом из более чем 400 грамот, а также упоминаний о них в более поздних источниках¹⁶.

хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. Вып. IV. М., 1955; его же. Материалы и исследования по истории русского летописания // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М., 1958; М.Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962; Зимин А.А. Русские летописи и хронографы конца XV–XVI в. М., 1960; Библиография русского летописания (составила Р.П. Дмитриева). М.-Л., 1962; ПСРЛ, т. VI. М., 2000; Пушкарев Л.Н. К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи // Проблемы источниковедения». Вып. VIII. М., 1959.

¹¹ См.: Тихомиров М.Н. О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. Вып. III. М.-Л., 1940. Буганов В.И. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.

¹² См.: Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.

¹³ См.: Шмидт С.О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений. -Труды МГИАИ. Т. 8. М., 1957. Он же. К истории Царского архива середины XVI в. – Труды МГИАИ. Т. 11. М., 1958. Он же. К истории составления Царского архива XVI века // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950, № 98; № 99; № 100; № 101.

¹⁴ См.: Зимин А.А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки, кн. 37; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950, № 98. № 99; № 100. № 101.

¹⁵ См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I. // Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

¹⁶ См.: Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958; Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., часть третья // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.

Раскол представлен собранием сочинений Иосифа Волоцкого¹⁷. Посланиями митрополита Макария¹⁸, а также сочинениями старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея. Хорошо известны труды Вассиана Патрикеева и сочинения Максима Грека¹⁹.

Представляют интерес для исследования записки иностранцев о России (XVI в.). Например, «Записки о Московитских делах» барона Сигизмунда Герберштейна, которые содержат информацию о быте и государственном строе России²⁰.

Стоит обратить внимание на то, что во многих литературных памятниках и, в первую очередь, в летописях выдерживается идея легитимности и преемственности власти русских князей, а также определяется высокий статус великих князей, которые в своем статусе приравниваются к великим православным императорам. Смена городов, как центров государства, рассматривается как этапы эволюции великокняжеской власти.

К концу XV в. идеология возвышения власти начинает проследиваться по ряду литературных памятников. Так, в «Новой пасхалии Зосимы» Москва объявляется царствующим городом, а Иван III – новым Константином²¹. Падение Византии способствовало идеологизации верховной государственной власти на Руси. Данная тенденция была развита уже в XVI в. в Посланиях Филофея, где Филофей вводит в оборот понятие «Москва – третий Рим»²². Следующим шагом по пути формирования идеологической платформы централизации стало «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, а также составленная на основе «Послания» 1-я редакция «Сказания о князьях Владимирских». «Сказанье» можно назвать официальной концепцией истории централизации Руси. Так, Русские великие князья рассматриваются в «Сказании» как преемники древнеримских кесарей и византийских императоров. Генеалогически «Сказание» связывает династию, княжившую на Руси, с родом римского императора Августа, соответственно Русь является прямой восприемницей Римской империи и того статуса которой та в свое время имела в мире. «Сказание» не раз перерабатывалось, а легенда о происхождении Рюриковичей от императора Августа была включена во многие литературно-исторические памятники XVI-XVII вв., в том числе в общерусские летописные своды.

¹⁷ См.: Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959.

¹⁸ См.: Дополнения к Актам историческим. Т. I. СПб., 1846, № 25; АИ, т. I, № 292.

¹⁹ См.: Максим Грек. Соч., ч. 1–3. Казань, 1859–1860; 2-е изд. Казань, 1894; Ржига В.Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века // ТОДРЛ, т. I; Он же. Неизданные сочинения Максима Грека. Т. 6.

²⁰ См.: Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.

²¹ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. «Изложения Пасхалии» митрополита Зосимы. Вып.2. Ч.1., Л., 1988; Степанов Н.В. Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907.

²² См.: Гольдберг А. Л., Дмитриева Р.П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 471-473; Сеницына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С.138.

Важнейшим источником по политической истории и общественной мысли России середины XVI в. являются сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского – прежде всего, их переписка-полемика между собой²³. Археографический обзор посланий Ивана Грозного в 1951 году был подготовлен Д.С. Лихачёвым и Я.С. Лурье.

Значительный интерес в качестве источника, содержащего идеологию централизации, представляют хронографы. В исследовании рассматривается Хронограф 1512 года, где дается характеристика различных стран и народов. Так, Риму дана отрицательная характеристика, снабженная описаниями кровопролитий, несчастий и смертей, нелестно охарактеризованы и римские правители, отмечается, что умирали они не своей смертью. Православная Византия также представлена не в лучшем свете, чем католический Рим, положительной оценки удостоен только первый христианский царь Константин Великий. В противоположность Риму и Византии Российская земля благополучна. Однако все же не обошлось и на Руси без междоусобных войн и дурных знамений, описание которых доведено до 1451 года. Однако Хронограф заканчивается оптимистично – «Наша же Российская земля Божию милостию и молитвами пречистыя Богородица и всех святыхъ растет и младеет, и возвышается, – ей же, Христе милостивый, дажь расти и младети, и расширяться и до скончания века»²⁴.

Подводя итог использованным в исследовании источникам, назовем главные из них в распределении по следующим группам:

1. Тексты Священного Писания. Среди них использовались, в первую очередь, наиболее влиявшие на идеологию Древней Руси ветхозаветные книги: Псалтирь, Притчи Соломоновы, Книга Премудрости Соломона, девтероканоническая Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, пророческие книги Исаяи, Иеремии, Иезекииля,
2. Переводные и оригинальные памятники домонгольского периода, привлечение которых было важно для анализа исследуемой темы: Хроника Иоанна Малалы, Хроника Георгия Амартола, «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, Палея Толковая, Физиолог, Киево-Печерский Патерик,
3. Литературные памятники: «Задонщина», «Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого в редакции Пахомия Логофета, «Сказание о Мамаевом побоище», «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы; «Изложение Пасхалии» митрополита Зосимы, Послания Иосифа Волоцкого, послания старца Филофея, сочинения Вассиана Патрикеева, «Сказание о князьях владимирских», «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», сочинения Максима Грека, послания митрополита Макария, послания Ивана Грозного, переписка его с Андреем Курбским; «История о великом князе Московском» Курбского.
4. Летописи: Симеоновская, Рогожская, Суздальская, Софийская 1, Вологодско-Пермская, Московский летописный свод конца XV века,

²³ См.: Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951. С. 10.

²⁴ Хронограф 1512 г. // ПСРЛ. Т.22, Ч.1. С. 439-440.

Никоновская, Воскресенская, Львовская; Хронограф 1512 г.; Степенная книга.

5. Актовый, документальный и законодательный материал: уставы, духовные и договорные грамоты русских князей, Судебники XV–XVI вв., Стоглав, сохранившиеся документальные материалы Русского государства конца XV – первой четверти XVI в.
6. Записки иностранцев о пребывании в России: «Записки о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна; «Сказание» Альберта Шлихтинга; «Записки о Московии» Генриха Штадена.

Научная новизна определяется тем, что в работе проведено обобщающее исследование идеологической платформы, на которой был возведен фундамент централизованного государства, рассмотрены основные этапы централизации на основании литературных памятников. В значительной степени нова сама постановка научной проблемы, не разработанной до сих пор в полной мере на основе анализа литературных памятников эпохи.

- Доказано, что централизация стала возможной не только благодаря социально-экономическим и политическим преобразованиям, но и благодаря созданию целостной идеологии, возвышавшей статус власти великих князей. На материалах литературных памятников автор доказал последовательное проведение концепции о божественных и исторических правах московских самодержцев на господство во всем православном мире. В полной мере эта идея проявляется в Хронографе редакции 1512 г., где исторический процесс рассматривается как смена царств, имевших мировое значение. В результате единственным центром православия становится Русская земля. Русь по мысли автора Хронографа, наследовала от Византии роль защитницы православной веры во всем мире. Эта же идея читается и в Никоновском летописном своде (40–50-е годы XVI в.). Здесь уже генеалогия русских князей увязывается с биографиями царей из всемирной истории. Особенное внимание уделяется падению Византии, причинам этого падения и возвышению Москвы, как центра православия и третьего Рима²⁵. На наш взгляд, свой окончательный вид концепция возвышения власти получила в «Сказанье о князьях Владимирских», а также в «Книге степенной царского родословия» (60-е годы XVI в.).

- Выявлено, что идея легитимности власти и высокого статуса власти великих князей русских стала очень рано проявляться в литературных памятниках. Так, данная идея хорошо просматривается на текстах Куликовского цикла. В частности, в «Сказании о Мамаевом побоище» (Рогожский летописец 1412 г) великий князь Дмитрий в своем статусе фактически приравнен к царю Тохтамышу. В этом тексте враги Тохтамыша и великий князь Дмитрий выступают в качестве союзников против сынов Агари – войска князя Мамаю. Дмитрий же представлен хранителем Земли Русской и православной веры. Здесь впервые прослеживается идея единоначалия власти великого князя – защитника православной веры и всей Русской земли.

²⁵ ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862. С. XV–XX.

- Установлено, что идея возвышения великокняжеской власти проявляет себя во всех оригинальных литературных памятниках того времени. Так обнаруживаем данную идею и в пространной редакции Повести о Куликовской битве в составе Софийской первой летописи старшего извода (около 1418 г.). Здесь Дмитрий Иванович выступает как защитник православной веры, как великий князь всей земли Русской, а Мамай как захватчик, желающий уничтожить Русь и гонитель христианства. Нелегитимная власть, представленная в тексте «Сказания о Мамаевом побоище» в образе князя Мамаю, описывается нелицеприятными образами, принятыми в русской литературе, когда речь идет о неверных, в то время как царь Тохтамыш, представляющий легитимную власть, такими эпитетами не снабжается. Таким образом, одной из ключевых линий, проводимых в тексте, является линия о легитимности власти, которая преподносится следующим образом – Мамай – князь, а не царь по рождению, послушавшись Тохтамыша, пошел с ратью на Русь, где ему оказал сопротивление великий князь Дмитрий Иванович. Последний – законный князь всея Руси, в связи с чем по своему статусу он приравнен к царю. Заступничество и покровительство Бога возможно лишь в случае легитимности власти. Эта идея подчеркивается следующей деталью – в летописи перед «Повестью» размещен текст о кириопасхе, совпадении Пасхи и Благовещения. Такое совпадение действительно приходилось на 1380 год, что являлось очень редким явлением и особо почитаемым православным праздником. Именно в этот день под Божьим покровительством Дмитрий Иванович решает выступить против неверных. Притянутость датировок не случайна и должна подчеркивать Божью волю.

- Доказано, что основной идейной линией литературных памятников Куликовского цикла являлась идеология возвышения великокняжеской власти в союзе с Православной Церковью. В частности, рассказ об очном благословении князя Дмитрия перед битвой Сергием Радонежским связан с целью возвышения союза Церкви в лице Сергия и власти в лице князя Дмитрия как оплота православия и государственности. Легенда о благословении войска князя Дмитрия Сергием Радонежским перед боем должна была способствовать поддержанию в народе веры в единение светской и духовной власти против врага. Важным источником, позиционирующим ту же идею единения Церкви и власти является само Житие Сергия Радонежского. Особое место в Житии занимает благословение Сергия. На наш взгляд, значение победы Дмитрия Донского очень хорошо осознавалось современниками великого князя, именно поэтому в Житии также находим пространное описание легендарного благословения данного Сергием перед боем.

- Показано, что идеология возвышения Москвы и княжеской власти, обнаруживаемая в источниках того времени, строилась на следующих основных положениях – Москва – третий Рим, великий князь московский – новый Константин, богоизбранный царь и защитник веры христианской и всей земли Русской. Первый Рим пал, потому что предал истинное христианство, по той же причине пал и Константинополь, Москва – третий Рим, центр христианского мира и столица христианского монарха будет стоять вечно. Так,

уже в 1492 г. Московский митрополит Зосима в новой Пасхалии назвал Ивана Васильевича «государемъ и самодержцем всея Руси, новым царемъ Константиномъ новому граду Константину – Москвъ»²⁶. Главная идея Зосимы – Константин основал Новый Рим, Владимир крестил Русь, а теперь Иван III является «новым царем Константином новому граду Константину-Москве. Выявлено, что сам факт возвышения княжеской власти во всех литературных памятниках раннего периода обязательно связывается с возвышением города, в котором находится трон князя, в этом случае город отождествляет собой Небесный Иерусалим. Данная идеологическая линия впервые проявляет себя в Повести временных лет.

- Обосновано, что составители ряда оригинальных средневековых произведений, как правило, работавшие по заказу великих князей, преследовали цель идеологически возвысить статус великокняжеской власти, данные сочинения также должны были использоваться в политической практике Русского государства с целью повышения статусности русского государства и русских князей на международных путях. Уже в XVI в. идея богоизбранности московского князя и его высокого статуса, как вселенского императора проявляется в «Посланиях» Филофея. Так, Филофей в Послании Василию III излагал концепцию «Москва - третий Рим», оказавшуюся одной из центральных идей в русской публицистике и историософии последующего времени. Данная идея обнаруживается в еще одном литературном памятнике – «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, посвященное Мономахову венцу, в его основу легли легенды о царском венце и о происхождении русских царей от римского императора Августа. Легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа легла в основу 1-ой редакции «Сказания о князьях Владимирских». Переработанный текст «Сказания» в части о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий был использован как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г. Позже данная легенда вошла в Степенную книгу.

- Доказано, что описание царского венца в «Сказании о князьях Владимирских» не случайность, здесь прослеживается аналогия с ветхозаветными и новозаветными событиями, которую средневековые авторы обнаруживают во всех значимых событиях действительности и отражают, вкладывая определенный символический смысл, в своих произведениях. Так, венец Христа – символ царской власти, символ богоизбранности и легитимности власти. Именно эта идея так нужна была для проведения централизации и укрепления власти.

- Обосновано, что политика опричнины, проводимая Иваном Грозным, помимо социально-экономического и политического значения строилась на продуманной идеологической платформе, соответствующей религиозным представлениям и ментальности того времени. Так, Опричный дворец был построен по образцу, описанным в книге пророка Иезекииля Града Божьего,

²⁶ См.: Тихонюк И.А. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII – XVIII вв. М., 1986.

который стал моделью для воплощения. Таким образом, как считает автор, расположение опричных территорий в Москве имело символическое значение и религиозную нагрузку. Выявлено, что символическое значение и религиозную нагрузку имели даже казни, проводимые в Москве по распоряжению царя. Как правило, замученные сбрасывались в воду – с моста в реки, озера, в котлы с кипящей водой. Как известно, вода знаменует собой неверие. Таким образом, Царь, уподобившись Богу, карал неверных и отправлял их в ад. В соответствие с христианской риторикой ад находится в пропастях, на дне реки, которые после Страшного Суда зарастут травой. Можно заключить, что опричные казни, как показано в работе, превращались с идейной точки зрения в своеобразное русское чистилище перед Страшным судом. Царь приравнял себя к Богу, он пытался посредством казней воссоздать картину Страшного Суда.

Эпоха Ивана Грозного, характеристикой идеологических преобразований которой завершается исследование, имела, как показано в работе, переломное значение для эволюции идеологии централизации. Необходимость последней теперь не ставилась под сомнение ни одной из противоборствующих в государстве политических сил. Идеология централизованного государства переросла в идеологию строительства самодержавной, по сути своей, абсолютной монархии.

Научно-практическая значимость исследования заключается в том, что достигнутые результаты могут быть использованы в дальнейшей разработке идеологических основ централизации Московского княжества, а также в преподавательской работе, при разработке и чтении учебных курсов и спецкурсов по истории России. Работа демонстрирует преимущества проблемного подхода при изучении одной из основополагающих проблем отечественной истории – проблемы централизации. При дальнейшем исследовании отечественной истории XV-XVI веков полезно было бы учитывать предложенное в настоящей работе герменевтическое прочтение различных источников, при помощи которого выстраивается идеология централизации.

Автор пополняет историографию разработкой проблемы централизации не только с экономической и политической точек зрения, сколько с позиции, сосредоточенной на понимание идеологии власти, а также духовно-нравственных ценностей, преобладающих в обществе.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в публикациях автора в рецензируемых изданиях. Соискатель выступал по теме исследования с докладами и сообщениями на различных научных форумах, в том числе на Международной конференции «Высшее образование для XXI века» (Москва, 2013 г.), «Сучасні проблеми правового, економічного та соціального розвитку держави» (Харьков, 2014 г.), участвовал в научных конференциях и семинарах, проводимых в Московском гуманитарном университете, Московском городском университете управления Правительства Москвы.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, включающих 9 параграфов, Заключения, Списка сокращений, Списка

источников и литературы.

II. Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная значимость темы, выявляется степень ее изученности и обеспеченность источниковой базой, определяются хронологические рамки, формулируются объект, предмет, цель, задачи и методы исследования, содержание, выносимых на защиту положений.

Глава 1. «Московское княжество на пути к централизации»

В первом параграфе «Возвышение Москвы и территориальное расширение Московского княжества» исследована проблема возвышения Московского княжества начиная с XIII века. В XIII веке Северо-Восточная Русь была представлена разрозненными княжествами, каждое из которых тяготело к самостоятельности. Это – Ростовское, Суздальское, Галицко-Дмитровское, Владимирское, Городецкое, Тверское, Костромское, Московское, Смоленское, Переяславское, Стародубское, Ярославское, Углицкое и Юрьевское. С периода правления Юрия Даниловича, наблюдается укрепление Москвы и статуса московских князей. Главной причиной усиления Московского княжества, как правило, считают его выгодное и защищенное географическое положение, а также расположение на торговых путях, ведущих в Переславль-Залесский, Рязань, Ростов, и Волжскую Болгарию. На наш взгляд, немаловажными факторами возвышения Москвы являлась политика и идеология князей.

Серьезные территориальные приращения и укрепление политического и идеологического статуса как православной столицы Московское княжество получило при Иване Калите. Из Владимира в Москву переехал митрополит всея Руси Петр, что имело серьезное политическое значение. В течение второй четверти – середины XIV в. к московским землям были присоединены Галич-Мерьский, Углич, Белоозеро, Дмитров, Кострома, Стародуб, Калуга. В конце XIV века, при сыне Дмитрия Донского и внуке Ивана Калиты, князе Василии I, в состав Московского княжества вошли Муром, Нижний Новгород и ряд территорий на окраине страны.

После свержения татаро-монгольского ига (1480), Русь получила самостоятельность, однако до конца XV века, ослабленная и дезорганизованная монголо-татарским игом, все еще представляла собой раннее государство, как в организационном, так и в социально-политическом смысле. В первую очередь это определялось слабыми связями между государством и обществом, между центральной властью и местным управлением, а также дезорганизацией в системе управления в целом.

Старейшие властные институты, такие как вече и дружина, утратили свое значение. При этом политическая структура великого княжества Московского долгое время, вплоть до первой половине XV в., основывалась на двух древних принципах обычного права: первый – традиционное «старшинство» великих князей, включавшее в себя руководство войском и

контроль над финансами, в первую очередь – сбор дани; второй – «отчинные» права наследников в княжестве своего отца.

Во втором параграфе «Борьба великокняжеской власти с удельными князьями» отражен сложнейший процесс противоборства династии с бывшими удельными князьями. Введение Дмитрием нового источника территориальных прав князей – великокняжеского дара – привело к распаду страны. Начиная с XV века отношения между великим и удельными князьями основывались на иммунитетных грамотах. Так называемые «защитные» грамоты закрепляли за бывшими удельными князьями в качестве наследственной собственности (вотчин) находившиеся у них земли взамен за службу князю. Но уже в начале XVI в. удельные князья подчиняются великому князю в силу его положения. Таким образом, бывшие удельные князья в присоединенных землях стали боярами московского государя.

Ситуация еще более усложнилась после того, как московские великие князья стали делить свои земли и выделять их сыновьям. Уделы получали большую самостоятельность. Со второй половины XIV в. вводится порядок, по которому старший наследник получал большую долю наследства, чем остальные, что давало ему решающее преимущество. К тому же он вместе с великокняжеским «столом» обязательно получал и всю «Владимирскую землю». Очевидно, что в данной ситуации поддержание высокого статуса и полновластия требовало от великого князя больших усилий. В первую очередь, чтобы не потерять власть великий князь старался ограничить полномочия удельных князей, в частности, в области внутривластных и государственных дел, при этом суд по земельным и «разбойным» делам оставался в ведении удельных князей.

В третьем параграфе «Реорганизация системы управления на Руси XV-XVI вв.» поэтапно прослеживается процесс реорганизации системы управления во всех его проявлениях. С расширением границ государства изменяется и расширяется и система управления им. Так, уже в XIV веке были созданы два основных ведомства, которые условно можно обозначить, как «Дворец» и «Вотчина». Во главе дворцового ведомства стоит дворецкий (дворский), управляющий пашенными княжескими крестьянами. К дворцовому ведомству относятся подведомства, так называемые «пути» – стольничий, ловчий, сокольничий, конюшенный, чашничий и др., которые существовали для блага князя и его окружения. Возглавляли «пути» «большие» и «путные» бояре. Эти отличия между боярами зафиксированы и найдены в документах конца XIV в., что говорит о разделении деятельности бояр по выполнению управленческих функций. Существовали также и придворные чины – постельничий, кравчий, конюший и др. Усложнение системы ведомств «Дворец» и «Вотчина» привело к расширению их функций и смене самого статуса. Теперь выполнение обязанностей в системе управления больше не носило характер княжеского поручения, а становилось постоянной службой. На смену системе поручительств пришла система государственного управления с разветвленным аппаратом управления. Из состава дворцовой службы выделилась Великокняжеская Казна, которая стала отдельным ведомством.

«Казна» представляла собой хозяйственное ведомство, наделенное как финансовыми, так и общегосударственными полномочиями. Все приказы имели судебную власть, в их распоряжении находились в той или иной мере финансовые вопросы, приказы получали судебные пошлины.

Определяющую роль приказной системы в процессе централизации хорошо понимал Иван Грозный, который именно посредством деятельности этой системы проводил в жизнь новые преобразования. К середине XVI в. 53 приказа Русского государства имели штат в 3,5 тыс. человек. Крупные приказы сами готовили квалифицированные кадры государственных чиновников. Совершенствование системы управления, однако, тормозилось неясностью распределения компетенций между приказными учреждениями, и, конечно, казнокрадством. Постепенно малоэффективная деятельность приказной системы стала подкрепляться эффективной деятельностью Земских Соборов, первый из которых состоялся в 1549 г. Соборная практика просуществовала в России более столетия.

Глава 2. «Идейные предпосылки централизации»

В первом параграфе «Образ единства светской и духовной власти как оплота государственности в памятниках Куликовского цикла» отражена средневековая идеология единства Церкви и Власти, прослеженная по литературным памятникам. Идейные предпосылки централизации исследуемого периода, в первую очередь, отражены в литературных памятниках Куликовского цикла.

Значение Куликовской битвы для всего русского народа нельзя недооценить. Благодаря этой победе политическое главенство Москвы стало неоспоримым. Несмотря на то, что в 1382 г. Москва была разграблена Тохтамышем и права орды восстановлены, Куликовская победа дала надежду всем русским людям на освобождение. Об идеологическом значении Куликовской битвы для русского народа мы узнаем благодаря уникальным литературным памятникам – «Задонщине», «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича», «Сказанию о Мамаевом побоище», – а также из ряда других памятников, в том числе Жития Сергея Радонежского.

Так, в «Задонщине» Русь великая воспринимается как единое государство, а Дмитрий Донской – как ее государь. И хотя прямолинейно идеология централизованного государства пока не формулируется и права удельных князей на свои земли и войска никак не ставятся под сомнение, зачатки новых идейных веяний уже очевидны. Победа Руси великой над ратью татарской воспринимается как событие мирового значения, как заявление о себе нового единого и мощного государства.

Еще одной идеологической легендой, способствующей поддержанию веры в народе в единение светской и духовной власти против врага, является содержащийся в «Сказании о Мамаевом побоище» рассказ о якобы очном благословении Сергием Радонежским князя Дмитрия и его войска перед Куликовской битвой. В условиях все ещё подданнического положения требовалось воспитывать и утверждать мысль о единстве власти и Церкви и их несокрушимости. Убеждение в этом поднимало дух как элиты общества, так и

всего русского народа в противостоянии внешнему врагу. Легенда о благословении – независимо от степени историчности самого факта – стала естественной частью повествований об этой победе. Благословение Сергия Радонежского превратилось в символ единения русского народа, светской власти и Русской Церкви перед лицом внешнего врага.

При этом, в исследовании обосновано, что вопреки так настоятельно проводимой в литературе того периода идее единства духовной и светской властей, этого единства в действительности не было. История изучаемого периода полна церковно-государственных конфликтов. Они осложнялись к тому же проблемами сравнительно молодого еще русского христианства – борьбой с ересями, языческими пережитками, а также возросшей после появления униатства угрозой проникновения католицизма.

Во втором параграфе «Идеология возвышения великокняжеской власти по материалам литературных памятников эпохи» последовательно изложена идеология династии и причины ее возникновения по материалам литературных памятников. Важно подчеркнуть, что идея господства Московских великих князей, разрабатывавшаяся русскими книжниками на протяжении более чем столетия, хорошо прослеживается по источникам – как историческим, так и публицистическим. Данную идею находим, например, в Хронографе редакции 1512 г. В памятнике исторический процесс рассматривается как смена великих царств. На смену ветхозаветному Израилю идут друг за другом Вавилонское, Персидское царство, Македонская держава, государство Египетских Птолемеев. Затем следуют Римская империя и Византия. Возвышение и гибель этих царств определяются Божьим Промыслом, который ведет историю. Центральная идея Хронографа заключается в следующем - с падением под натиском турок православных «благочестивых царств» (Греческого, Сербского и Болгарского) единственным средоточием православия осталась Русь, которая растет и возвышается. В представлении автора Хронографа, Русь унаследовав от Византии традицию православного «царства», является законной наследницей былых империй. Долг русских государей как преемников православных «царей-императоров» – в «последние времена» защищать православную веру во всем мире.

Историческая идея Хронографа, которая заключается в концепции восприятия русской истории как части всемирной истории и божественного замысла, нашла отражение еще в одном памятнике – Никоновском летописном своде (40–50-е годы XVI в.). Отдельные статьи этого свода посвящены биографиям русских князей, в них передана генеалогия русских государей от Рюрика до Ивана Великого. Эта генеалогия увязывается с жизнеописаниями царей, почерпнутыми из всемирной истории. В летописи перечисляются цари израильско-иудейские, персидские, египетские, римские и византийские. Особенное внимание уделяется падению Византии, причинам этого падения и возвышению Москвы, как центра православия и третьего Рима.

Кульминацией идеологов концепции возвышения власти стал памятник 60-х годов XVI в. – «Книга степенная царского родословия». «Степенная книга» в некоторых чертах повторяет Никоновский свод и содержит

жизнеописания русских государей – киевских, владимирских, московских великих князей, и завершает ее биография царствующего монарха, первого русского царя - Ивана IV. Киев, Владимир-на-Клязьме и Москва представлены в Степенной книге как последовательно сменявшие друг друга центры самодержавной власти. Роль Москвы как стольного города на новом, третьем этапе русской истории, преемницы Киева и Владимира-на-Клязьме, предопределяется уже в княжение ее основателя Юрия Долгорукого (XII в.).

Если проследить эволюцию идеологии власти по источникам, обнаруживается, что корону и бармы помазанника Божьего, а также статус нового Константина в православном мире примеряли на себя, посредством литературных образов, все великие князья Земли Русской, начиная с Владимира Крестителя.

В третьем параграфе «Церковь и государство на пути к централизации» исследованы причины конфликта между Церковью и Властью и пути их устранения. Возникший при Иване Калите союз великих московских князей с общерусской митрополией, в значительной мере обеспечивший первые успехи централизации, продержался относительно недолго. Положение Москвы ослабилось со смертью в 1378 г. митрополита Алексия, сторонника идеи объединения Руси. Сменивший его Киприан, болгарин и бывший митрополит Киевский и Литовский, стал центром жестокого конфликта между Москвой и Константинополем, который длился десять лет. Основной задачей Киприана на посту митрополита стало отстаивание независимого положения Церкви, в чем Киприан значительно преуспел. Однако это были временные уступки. В лице Церкви власть видела крупного землевладельца и серьезного претендента на властные полномочия великого князя, в связи с чем великие князья старались всячески ослабить позиции Церкви.

Провозглашение независимости Русской Церкви от Константинополя ускорила Флорентийская уния 1439 г. Целая серия событий середины – второй половины XV в. определила новое положение Русской церкви. Помимо Флорентийской унии и одностороннего установления автокефалии, это также захват Константинополя турками и падение Византии.

В правление Василия II Темного, в начале 1460-х гг., провозглашенная в одностороннем порядке автокефалия была обоснована в специальном литературно-публицистическом произведении: «Слово избрано от святых писаний еже на латыню и сказание о составлении осмаго сбора латыньскаго и о извержении Сидора Прелеснаго и о поставлении в Русской земли митрополитов, о сих же похвала благоверному великому князю Василию Васильевичу всея Руси». Его неизвестный автор противопоставляет византийскому императору, впадшему в «тьму неверия», русского князя. Причем сначала говорится не о Василии Темном, а о киевском великом князе Владимире Крестителе (тот в крещении звался Василий!). Владимир-Василий, в отличие от греческого отступника, спас землю Русскую от неверия и просветил ее святым крещением, рассеяв ту самую тьму невежества, в которую униаты погрузили Византию.

Василий Темный на страницах «Слова» оказывается «новым Владимиром» и притом еще «новым Константином». Русь здесь - оплот православной веры, а великий князь – верховный блюститель Православной Церкви, призванный заменить павшего византийского императора.

Автокефалия Русской Православной Церкви способствовала росту ее авторитета. Великий князь же, именно как покровитель Церкви, призван был теперь унаследовать власть и полномочия государей прекратившей существование Византии. В этом контексте логичными шагами оказались и брак Ивана III с Софьей Палеолог, и окончательное свержение даннической зависимости Руси по отношению к другому, иноверному «царю» – ордынскому. Свержение ига открывало для московских князей прямую дорогу к вселенскому императорскому престолу.

Традиционным связям с Константинополем была найдена замена в виде контактов с восточными патриархиями, прежде всего с Иерусалимским престолом. Тем самым, несмотря на односторонний характер провозглашения автокефалии, Русь не выпала из мирового православного общения. Это позволяло видеть церковным мыслителям в единственной сохранившейся православной державе средоточие торжества «великого православного христианства».

Глава 3. «Завершающий этап централизации и идеология»

В первом параграфе «Задачи Боярской Думы в централизуемом государстве: реальность и идеология» раскрыты первостепенные задачи одного из сильнейших органов власти – Боярской думы. В XV веке центральная власть на Руси была представлена, помимо великого князя, Боярской думой, дворцовыми учреждениями и дьяческим аппаратом. Князь должен был координировать с Думой практически все свои политические действия. При этом формально-юридически прерогативы Думы не фиксировались и не были разграничены с княжескими. Власть высшей титулованной и нетитулованной аристократии, сосредоточенной в Думе, основывалась на родовом праве и силе обычая, а не на писаном законе. На первых порах, а также в условиях временных ослаблений великокняжеской власти, – прежде всего при малолетстве государей, – это была сильная сторона, обеспечивавшая боярской аристократии возможность проводить выгодную для себя государственную политику во всех областях. Однако по мере централизации власти великие князья начинают подчинять себе Боярскую Думу.

Наивысший расцвет Боярской Думы, пик ее влияния на государственные дела приходится на период после смерти великого князя Василия III, когда Иван IV оставался малолетним. В этот период думское боярство играло роль правительства России, в рамках Думы разгорелась борьба за власть между отдельными боярскими группировками, определявшими в разные годы политику страны. В руках представленных в Думе боярских родов и кланов находились высшие военно-административные должности, бояре осуществляли дипломатические миссии. Дума являлась органом управления единого государства и в принципе была заинтересована в сохранении этого единства.

Однако объективно всевластие аристократии не только ограничивало власть монарха, но и тормозило завершение процессов централизации страны.

Во втором параграфе «Идеология реформ системы управления в период царствования Ивана Грозного» отражен процесс оформления централизованного государства на Руси в своей завершающей стадии. Назовем здесь некоторые основополагающие реформы времен Избранной Рады. Одно из первых преобразований коснулось служилых землевладельцев, в 1549 они освобождались от власти наместнического суда, за исключением наиболее тяжких преступлений. Данная мера была связана с тем, что служилые люди, имевшие при себе оружие и не получавшие жалования превращались в разбойников и третировали мирное население. Прекратить грабежи вооруженных шаек являлось главной задачей правительства. В 1550 году началась военная реформа. Была упорядочена воинская повинность, создано вооруженное огнестрельным оружием стрелецкое войско, вместе с которым появился и новый, не связанный с феодальным классом, разряд служилых людей.

Серьёзному реформированию была подвергнута система управления на местах. Среди важнейших правительственных мер стало введение единой государственной пошлыны и единого налога на землевладение с единицы площади. Указ о местничестве, принятый в 1549 г. и дополненный в 1550 г., привел к так называемому «огосударствлению» местничества. Государь стал высшим арбитром при решении местнических дел, способным всецело контролировать ход разбирательства. Назначение на службу превратилось в обязанность аристократов, уклониться от которой было невозможно. При этом при назначении на должность «служба» (своя и предков), как свидетельствуют разряды, теперь учитывалась чаще, чем само по себе происхождение. Это привлекало на сторону государства нетитулованную часть знати и широкие слои дворянства и дьячества, которые надеялись на продвижение по служебной лестнице. Служебное начало в местнической реформе ставилось выше родового. Также была подвергнута реформированию приказная система, а ряд судебных реформ позволил осуществить переход к самодержавно-сословной монархии. В 1560 г. наступил конец «Избранной Рады» – укрепшая власть царя больше не нуждалась в советчиках. Царь начал реализацию новой беспрецедентной реформы – Опричнины. В 1565 г. Иван IV разделил всю землю Русскую на частную и государственную – Опричь и Земщину. Значительные территории в различных, преимущественно приграничных, а также северных областях государства, были выделены в личную собственность государя, особый государев удел, - Опричь. Земли, которые Иван Грозный оставил в частном владении «земской» знати, получали название Земщины.

Опричный дворец полностью соответствовал библейскому описанию Града Божьего в библейской книге Иезекииля. Немец Генрих Штаден, служивший в опричном войске, писал, что «цоколь был выложен белым камнем, над ним – кирпичная кладка, трое ворот, окованных железными полосами и крытых оловом, запирались на два толстых бревна каждые, над крышами деревянных хором возвышались двуглавые орлы». Опричные казни

становились как бы чистилищем, мытарством для согрешивших, в преддверии Страшного Суда. Царь своей неограниченной властью, как исполнитель Божьей воли, карая грех во имя «благочестия», спасал тем самым и свою собственную душу, и души своих врагов-грешников, которым предоставил возможность пострадать еще на земле.

Очевидно, что посредством опричнины царь пытался воссоздать картину Страшного суда, и сам, приравняв себя к Богу, казнил и миловал своим судом. Возможно, смоделировав Конец света, он пытался искупить грехи народа русского и тем самым отодвинуть Конец света, в неминуемое наступление которого, приблизительно в 1492 году долгое время верили во всем православном мире. Только в последние годы жизни царь стал каяться, возможно, осознавая, что по гордыне своей приравнял себя к Богу и за это ждет его неминуемое наказание. Однако, посредством опричнины Иван IV успешно провел политику дробления крупных вотчин, ослабил роль боярства.

В третьем параграфе «Идеология самодержавия от Степенной книги до посланий Ивана Грозного» рассматривается эволюция идеологии самодержавия в середине - второй половине XVI в. Впечатляющим итогом предшествующего этапа развития идеологии централизации и монаршей власти стала «Степенная книга царского родословия». Все оформившиеся в более ранних памятниках тенденции к сакрализации государственной власти, провиденциальному объяснению ее достижений воплотились в этом, по современным определениям, «первом изложении истории России как истории правящей династии».

Книга состоит из «степеней», соответствующих поколениям династии Рюриковичей. Каждая степень содержит жизнеописание правителя – прямого предка Ивана Грозного – начиная с княгини Ольги и кончая им самим. Жизнеописания, в уместных случаях прямо определяемые как жития святых, построены по агиографическим канонам. В их тексты включаются жития современных князьям митрополитов, а также не являвшихся прямыми царскими предками, но канонизированных к тому времени членов дома Рюриковичей (например, Бориса и Глеба, Федора Ярославского и др.). Литературной моделью для «книги» могли послужить византийские циклы императорских биографий.

В Степенной книге идеология самодержавной власти и сакрализации ее носителя достигла максимально возможных пределов – в рамках христианского мировидения и духовно обоснованной политической идеи. Однако для практических задач политического переустройства, как они виделись Ивану Грозному, по окончании периода «Избранной рады», этого было уже недостаточно. Перед глазами царя были примеры складывавшихся в Европе, чаще всего с применением силы, абсолютных монархий. Идеология абсолютизма, «просвещенной тирании», разрабатывавшаяся «людьми Возрождения» с оглядкой на античную политическую мысль, проникала и в Россию. Самые заметные ее памятники – «Сказание о Дракуле» и сочинения Ивана Пересветова. При

этом первую иногда связывают с именем дьяка Ивана III Федора Курицына, идеолога еретического движения, вдохновленного мистикой и политическими концепциями Ренессанса. Пересветов же адресовал свои «Челобитные» непосредственно Ивану IV. Идеи «грозы», необходимости жестокого подавления своенравной аристократии, игнорирования при необходимости существующих моральных норм, близкие европейскому макиавеллизму, как будто буквально стали воплощаться в опричной и послеопричной политике царя.

Препятствиями на этом пути были как традиционные аристократические институты, вроде Боярской думы и местнической иерархии, так и Церковь. Идеология Степенной книги вся пронизана идеей симфонии, единого действия Церкви и государства. Как и в послужившем вероятным прототипом сербском своде «Житий королей и архиепископов», государи, при всей сакральности своей власти, вправе существовать только рядом с главами Церкви, которые обеспечивают эту сакральность. При всей идеальности и утопичности такой картины, она отвечала представлениям митрополита Макария и «Избранной рады». Насколько она перестала отвечать представлениям самого Ивана IV, стало ясно уже после учреждения опричнины. Кульминацией церковно-государственного конфликта стало отстранение (и последующая гибель) митрополита Филиппа, а также в заметной степени направленный на устрашение духовенства карательный поход против северных городов 1569 г.

Сакрализованный носитель сакрализованной власти теперь претендовал на абсолютную высшую власть – как в светских, так и в духовных вопросах. Как явствует из многочисленных сочинений Ивана Грозного, образованный и литературно одаренный царь мыслил себя не только светским идеологом (первым, собственно говоря, в истории России), но и богословом. Идеи государственной «грозы» и абсолютной ничем не сдерживаемой власти, практически и рационально обосновывавшиеся Курицыным и Пересветовым, в царской переписке получают богословское, религиозное основание. Неудивительно, что в ответ складывается, опять же впервые в истории страны, целостная оппозиционная идеология, отраженная в произведениях А.М. Курбского.

В **Заключении** диссертации сформулированы основные выводы проведенного исследования. В работе на материале литературных памятников XV-XVI вв. показаны зарождение и последующие видоизменения идеологии централизации Московского государства, в основе которой лежала идея сильной богоустановленной власти единодержавного монарха. Данная идея базировалась сначала на необходимости консолидации сил в борьбе за независимость страны, а затем на представлениях о московских государях как законных наследниках прежних мировых империй, в первую очередь христианского «Второго Рима» – Византии. Для большей части XV в. характерна совместная выработка идеологических ориентиров Церковью и светской властью, теории единения власти и Церкви. Однако уже к концу XV в.

в условиях возникновения идейных конфликтов между Церковью и складывающейся самодержавной властью, зарождаются идейные концепты, в соответствии с которыми последняя не должна быть ограничена даже церковными институтами. Для духовенства же становится актуальной постановка вопроса о невмешательстве самодержцев во внутрицерковные дела. В это же время идеология и практика централизации под самодержавным скипетром входит в непримиримое противоречие с родовыми принципами, на властном уровне воплощенными, прежде всего, в функционировании Боярской Думы. В итоге в XVI в. складывается фактически несколько вариантов идейной программы единого государства: абсолютной и ничем не ограниченной самодержавной власти (сочинения Ивана Грозного), «симфонии» светской и духовной власти («Степенная книга»), аристократической монархии (сочинения А. Курбского). Попытка компромисса между ними в эпоху реформ «Избранной рады» не удалась, проложив дорогу к временному торжеству авторитарного начала в пору опричнины. Явное и подспудное противоборство идеологических моделей, продолжавшееся несколько десятилетий, вылилось в Смуту начала XVII в. и нашло временное разрешение в сословной монархии первой половины XVII века. Если складывание централизованного государства на Руси происходило, как сказано выше, во многом сходно и синхронно с западноевропейскими государствами, то складывание абсолютной монархии затянулось более чем на полтора столетия. Этот разрыв в немалой степени определяет несоответствие Московского царства канонам «централизации» и способствует дискуссиям о степени последней. Вместе с тем, как показано в настоящей работе, целостная идеология централизованной и самодержавной власти, соответствующая запросам эпохи, сложилась в Московской Руси задолго до реального и бесповоротного ее утверждения уже в следующий исторический период.

Основное содержание диссертации изложено автором в 12 научных публикациях общим объемом 6,8 п.л.

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Шилов Н.А. Русь средневековая: укрепление государственной власти и роль духовно-нравственного стержня // Управление мегаполисом. 2014. № 1. С.82-85. 0,4 п.л.
2. Шилов Н.А. Московское средневековье: централизация и цивилизационное развитие // Управление мегаполисом. 2014. № 1. С. 127-130. 0,4 п.л.
3. Шилов Н.А. Причины образования Русского централизованного государства // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 295-301. 0,6 п.л.

4. Шилов Н.А., Плотникова О.А. Московское государство: трансформация институтов управления на этапах централизации // Управление мегаполисом. 2013. № 5. С. 78-82. 0,4/0,2 п.л.

5. Шилов Н.А., Плотникова О.А. Идеологи и идеология централизации Московского княжества (по материалам литературных памятников) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. №1. С. 68-71. 0,4/0,2 п.л.

Другие статьи по теме исследования:

6. Шилов Н.А. Особенности российской подсистемы управления // Первый шаг в науку. Московская модель развития. Материалы научного семинара аспирантов и студентов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 30-36. 0,4 п.л.

7. Шилов Н.А. Россия как социальная система и особенности формирования патриотизма // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 136. М.: Социум, 2011. С. 154-158. 0,3 п.л.

8. Шилов Н.А. Прогностические возможности исторического опыта // Москва как система: историко-методологические проблемы. М.: МГОУ, 2012. С. 201-253. 3,3 п.л.

9. Шилов Н.А. Россия как система глазами историка // Детство: система, эволюция, междисциплинарный подход. Вып. 7. М.: АСОУ, 2013. С. 23-26. 0,3 п.л.

10. Шилов Н.А., Плотникова О.А. Система управления на Руси в XII-XVI вв. // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 11. М.: Социум, 2013. С. 4-12. 0,7/0,3 п.л.

11. Шилов Н.А., Плотникова О.А. Первые институты централизованной власти на Руси // Сучасні проблеми правового, економічного та соціального розвитку держави. Харків: Изд-во ХНУВС, 2014. С. 118-120. 0,2/0,1 п.л.

12. Шилов Н.А., Плотникова О.А. Идеология централизации Московского княжества (по материалам литературных памятников) // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 3. М.: Социум, 2014. 0,6/0,3 п.л.

Подписано в печать 11.12.2014г. Заказ № _____
Формат 60x84 1/16. Объем 1,5 п. л. Тираж 100 экз.
Издательство АНО ВПО «Московский гуманитарный университет»
111395, Москва, ул. Юности 5.